

В.Я. Темплинг

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: tmp1@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Развитие крестьянской общественной инициативы в области охраны здоровья, новые элементы в повседневной жизни селян, новые подходы к оценке крестьянами земли рассматриваются как индикаторы изменения традиционных ценностных ориентаций сельского населения в условиях модернизационных процессов. На основе архивных и опубликованных источников раскрывается участие сельских обществ в создании и финансировании сельских больниц и фельдшерских пунктов. Отмечается значительное увеличение числа зарегистрированных больных и объемов ручных продаж в аптеках, особенно сельских, показывающее рост доверия населения к официальной медицине. На примере пригородных селений демонстрируется изменение элементов повседневной жизни, выразившееся в смене занятий, дрейфе конфессиональной идентичности. Позиционируются новые подходы в оценивании сельскими жителями земли исходя из ее рыночной стоимости, создаваемой развитием транспортных коммуникаций и ростом города, а не из плодородности и перспектив высокого урожая.

Ключевые слова: традиционная картина мира, общественная инициатива, ценностные ориентации, сельская медицина, здравоохранение, фельдшерский пункт, повседневность, Тобольская губерния.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-120-128

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

Столбовая дорога современной отечественной исторической науки — теория модернизации, во всевозможных ее проявлениях, трактовках, вариациях. В русле модернизационной парадигмы изучаются все аспекты истории российского общества нового и новейшего времени — экономика, социальная история, история идей, интеллектуальная история, история повседневности и пр. Объединяющим началом, вокруг которого строятся почти все интерпретации, служит понятие изменения, его характер, направленности, конфигурации, глубина, условия, влияющие факторы и т.д. Именно изменения являются индикаторами состояния при переходе от традиционного общества к индустриальному. Несмотря на то что локомотивом модернизации выступают прежде всего экономические процессы, в последние годы все большее внимание уделяется изучению социокультурных изменений, сопровождающих процессы перехода и одновременно свидетельствующих о них.

Характерная особенность развития России — неравномерность. Глубина охвата России различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами была существенно различна. Даже в развитом Северо-Западном районе, который уже к середине XIX в. сформировался как промышленный и торгово-промышленный центр, модернизация слабо захватывала территории, расположенные за 25-верстной чертой от Петербурга и в стороне от железных и шоссейных дорог [Кузнецов, 2012, с. 43]. На вовлечение отдельных территорий российской империи в модернизационные субпроцессы оказывали влияние географическое положение, наличие актуальных и доступных природных богатств, удобных путей сообщения, близость к столичным центрам и множество прочих условий [Побережников, 2016]. Локальная вариативность модернизации иллюстрируется характером развития Западно-Сибирского суперрегиона, на территории которого в результате интенсивных социально-экономических преобразований XVIII в. сформировались два района индустриализации — Урал и Алтай (Кузбасс), остававшиеся ведущими вплоть до середины XX в.; остальные же территории по темпам и характеру социально-экономического развития долгое время были преимущественно аграрными, в большей степени сохраняли традиционный уклад экономики и образа жизни. Их индустриализация начнется только во второй половине XX в. [Зиновьев, 2003; Карпов и др., 2011]. Тем не менее и за

границами индустриальных центров влияние модернизации постепенно проявлялось. Формирующийся внутренний рынок через налаживание транспортных коммуникаций, особенно строительство железных дорог, развитие массового производства предметов потребления постепенно втягивал в свою орбиту и удаленные территории. Причем на периферии социокультурные изменения иногда предшествовали экономическому подъему, особенно в сферах ответственности администрации — управлении, печати, образовании, медицине [Побережников, 2013]. В середине XIX в. общественные объединения — общества профессиональные, благотворительные, по интересам — на периферии чаще всего начинали создаваться именно под влиянием администрации. Например, первое в Сибири физико-медицинское общество было организовано в Тобольске с подачи губернатора А.И. Деспот-Зеновича в 1864 г., он же был инициатором организации бесплатной лечебницы для бедных, что не противоречило общероссийским тенденциям: государство поддерживало деятельность многих добровольных обществ [Бредли, 2014, с. 58, 82–83, 174]. Однако уже в 1880–1890-х гг. инициатива из рук администрации переходит в руки общественности, создается огромное количество самых разнообразных добровольных объединений, в которых увеличивается доля крестьян, бурно развивается частная инициатива в сфере печати [Дегальцева, 2002, с. 29–32, 49; Мандрика, 2013, с. 125–174]. Вместе с тем изменения, изучению которых посвящены перечисленные работы и которых на самом деле в разы больше, чаще касаются исключительно города и городских жителей или крестьян, уже переселившихся в город. Что же происходило в сибирской деревне в это время? Менялось ли что-нибудь в деревенском укладе жизни, в представлениях крестьян об окружающем мире, в их отношении к нему, в ценностных предпочтениях? Как влияла на эти изменения близость к транспортным коммуникациям, региональным центрам промышленности, торговли?

Цель работы заключается в раскрытии изменений традиционных ценностных ориентаций сибирского сельского населения, проявившихся на рубеже XIX–XX вв. В фокусе исследования находятся фундаментальные для традиционного общества элементы — земля, здоровье и внутриобщинные отношения. Поскольку каждый из них сам по себе необъятен для изучения, то перемены в ценностных ориентациях сельских жителей рассматриваются на примере развития общественной инициативы в области здравоохранения и отношения к официальной медицине, изменений элементов повседневной жизни и подходов к оценке крестьянами главного своего богатства — земли. Исследование базируется на сведениях, извлеченных из статистических обзоров Тобольской губернии, делопроизводственной документации местных органов управления и воспоминаний. Хронологические рамки работы охватывают период второй половины XIX — начала XX в., территориально — Тобольскую губернию.

Инициатива сельских обществ в сфере здравоохранения

Общественная самодеятельность рассматривается как важная предпосылка в формировании начал гражданского общества. Втягивание сибирского общества в эти процессы произошло несколько позднее, чем в центральной части страны, и они имели свои характерные особенности [Дегальцева, 2002, с. 29]. Исторически сложилось, что крестьянская самоорганизация и общественная инициатива аграриев в Сибири ассоциируются прежде всего, и вполне правомочно, с кооперативным движением в области маслоделия, с созданием потребительских и страховых обществ, бурное развитие которых приходится на начало XX в. [ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 695, 696]. Однако, видимо, первые импульсы, свидетельствовавшие об изменениях в традиционной картине мира, в представлениях о болезнях, в отношении крестьян к официальным институтам, в том числе медицине, в рациональном русле осознания ответственности перед лицом возможной внешней опасности, проявились в 1890-х гг. Хорошо известно, что для представлений крестьян об эпидемических заболеваниях, таких, например, как оспа, был характерен фатализм, упование на божью волю [Темплинг, 2017, с. 74]. Именно так, в передаче штаб-лекаря И. Барвинского, аргументировали крестьяне Сычевской волости Курганского уезда свой отказ прививать детей от оспы в 1788 г.: «...что как-де отцы наши, деды и прадеды не прививали и не давали посторонним лечить оспу, то и мы не согласны... а будет или нет еще оспа, мы не господа, и наши дети не господские, и какая на ком будет оспа, малая или великая, так тому и быть и просить небесного творца, чтоб у нас оспы не было» [Нечаева, 2012, с. 361]. Через столетие, в конце XIX — начале XX в., оспопрививание становится еще не всеобщим, но уже систематическим. В этот период прививалось от 33 до 49 % всех родившихся детей [Обзор..., 1881, с. 34; Обзор..., 1911, с. 35].

Пространство губернии чрезвычайно медленно насыщалось медицинскими заведениями, предназначенными для обслуживания гражданского населения. Инициатором их организации выступало государство, но содержание, как правило, возлагалось на граждан, которые должны были предоставить помещение, обслуживать его, содержать вспомогательный персонал и нести другие расходы. И это отнюдь не вдохновляло местные сообщества на активные действия. Почти сто лет понадобилось для того, чтобы в Тобольской губернии реализовался план по развитию медицинского обслуживания гражданского населения, основы которого были заложены еще реформой 1775 г. Характерный пример связан с Тюменью. Указом Тобольского наместнического правления 1789 г. тюменским властям предлагалось организовать «гобшпиталь» с аптекою при нем. Уездный лекарь доктор медицины И. Линденберг еще в ноябре 1792 г. требовал от городских властей открытия больницы, жаловался, что «привезенная из Таболска для пользования болных на годовую препорцию аптека» хотя и хранилась на квартире у врача, но по неимению удобного места «попортилась ценою на 35-ть рублей с копейками». Тем не менее, несмотря на все усилия докторов и властей, открытие больницы состоялось лишь в 1809 г. [Трофимова, 2002, с. 365–366, 471–472; Гриценко, 2004, с. 217]. Только к 1840-м гг. в каждом уездном центре губернии появились гражданские больницы, но это были городские заведения (кроме двух, предназначенных для инородцев, в Березове и Сургуте, но и они располагались в уездных центрах) и их было всего 10. Опыт организации крестьянской больницы в Тобольске оказался неудачным. Просуществовав в этом статусе с 1816 по 1823 г., она была ликвидирована «за ненадобностью» [Гриценко, 2004, с. 214]. Ситуация начинает значительно изменяться только к концу XIX в. В это время медицинскую помощь могли получать даже жители полярных поселков [Повод, 2006, с. 158–159].

Характеризуя особенности организации сельской медицины в Тобольской губернии, докладчик первой секции Первого губернского съезда сельских врачей, состоявшегося зимой 1911 г., врач К.Д. Даниель констатировал, что в Курганском и части Ишимского уезда действовала «своеобразная сельско-врачебная организация: сельское общество, которое несет определенную денежную повинность на содержание общегубернской медицинской организации, добровольно отпускает добавочные средства, часто даже превышающие... обязательные повинности, на свою собственную участковую организацию». Так, крестьянские общества Курганского уезда за 14 лет (1897–1909) дополнительно, сверх губернского земского сбора, выделили свыше 40 тыс. руб. для постройки четырех лечебниц и израсходовали на их содержание свыше 200 тыс. руб. [Труды..., 1911, с. 3–4]. По данным обзоров Тобольской губернии за конец XIX — начало XX в., по приговорам сельских обществ на финансирование местных медицинских заведений сверх губернского сбора было дополнительно выделено: в 1897 г. — 21 027 руб., в 1900-м — 32 200, в 1901-м — 36 191, в 1902-м — 29 019, в 1903-м — 34 016, в 1906-м — 33 437, в 1907-м — 22 435, в 1908-м — 52 342 и в 1909-м — 54 779 руб. (за 1906–1909 гг. указаны суммы совместно со средствами частных фабрик и заводов). Всего за десять лет, по которым имеется информация, сельскими жителями на улучшение собственного медицинского обслуживания было потрачено 315 446 руб. Цифра внушительная. Важно отметить, что эти средства тратились исключительно на «свои» больничные или приемные покои, фельдшерские пункты, фельдшеров. Общества сами выделяли и контролировали расходы.

Безусловно, такому «развороту» способствовали отнюдь не самые благоприятные обстоятельства. Главное из них — эпидемия холеры 1892 г., наложившаяся на неурожай и голод 1891/92 г. Начавшись в июле 1892 г. в Тюмени среди переселенцев и арестантов, она быстро распространилась вдоль трактов до Тюкалинска, Ялуторовска, Ишима, Кургана и вдоль рек вплоть до Томска. Из 29 876 заболевших скончалось 14 058 чел. [Обзор..., 1893, с. 12]. Вполне закономерно, что первыми к пониманию важности дополнительных мер безопасности пришли жители сел, расположенных вдоль трактов, через которые проходили партии переселенцев и арестантов. Из 22 сельских медицинских заведений, отмечаемых в отчетах первой половины 1890-х гг., 21 было организовано в 1893 г., в ожидании возможного повторения эпидемии, на средства Переселенческого управления, Особого комитета и тюменских пароходовладельцев, и 6 из них были устроены местным населением: в селах Успенском Тюменского уезда, Шмаково Курганского уезда, Баженовском (Тюкалинский уезд), Кодском (Ялуторовский уезд), Муромцево и Викуловском Тарского уезда. Причем жители сел Баженовского, Муромцевского и Викуловского собирали средства или уже строили здания для постоянного размещения больниц. Самой же

первой сельской больницей, созданной по инициативе и на средства общества, стала совсем небольшая (на 3 кровати) больница в с. Абатском, открытая еще в 1890 г. [Там же, с. 17–18].

Еще одним ярким индикатором изменений в традиционной картине мира сибиряков являются данные о динамике посещений или количестве зарегистрированных больных. В связи с разнородностью цифр, фигурирующих в обзорах губернии, приведем показатели только за те годы, когда точно фиксируется число больных по уездам, полагая по умолчанию, что подавляющая их часть сельские жители. В 1901 г. губернской медицинской статистикой здесь было зафиксировано 422 878 больных (и 487 568 посещений), в 1902 г. — 274 039 (423 619 посещений), в 1903 г. — 283 536, в 1905 г. — 378 981, в 1906 г. — 331 001 и в 1910 г. — 416 372. Безусловно, с одной стороны, такой значительный рост был связан с увеличением больничной сети, совершенствованием медицинской статистики¹, развитием переселенческого движения и его медицинского обслуживания. Но с другой стороны, не менее важно и то, что данные свидетельствуют также об изменении отношения сибиряков к медицинской помощи, о росте их доверия официальной медицине и врачам. Приведенные выше цифры отражают лишь самую общую картину посещений, не всегда дифференцируя категории пациентов. В небольшой статистике переселенческих больниц, озвученной на Первом губернском съезде сельских врачей, приводятся показатели посещений переселенцами и старожилами. Так, в 1906 г. больницы Переселенческого управления оказали медицинскую помощь 9169 старожилам амбулаторно, а в стационаре старожилы провели 232 дня. В 1909 г. амбулаторных больных из старожилов было уже 30 581, а в стационаре они лечились 3192 дня [Труды..., 1911, с. 51]. Увеличение доли старожилов в структуре пациентов переселенческих лечебниц также является следствием целенаправленного преодоления ведомственной разобщенности, над чем трудилась медицинская общественность и что обсуждала на губернских съездах врачей [Там же, с. 50–52; Свод заключений..., 1913, с. 21–22].

Показателем повышения доверия местного населения к официальной медицине могут служить и объемы ручных продаж в аптеках и аптечных магазинах губернии, особенно расположенных в сельских районах. Аптечная ручная продажа — это безрецептурный отпуск готовых лекарственных форм, предметов гигиены и других сопутствующих товаров. Пока нам неизвестна структура продававшегося ассортимента. Это не позволяет утверждать, что продажа лекарств превалировала над продажами других товаров (кроме лекарств и средств гигиены, в аптеках того времени можно было приобрести массу сопутствующих товаров, никак не связанных с медициной и со здоровьем вообще), но и сам факт значительного роста объемов ручной продажи, на наш взгляд, может свидетельствовать о важных изменениях в знаниях и представлениях сельских жителей. Он может говорить о том, что часть селян была уже достаточно осведомлена в вопросах здоровья и разбирались в современных лекарственных средствах настолько, что могла самостоятельно приобретать необходимые товары в аптеках. Это очень важное изменение, касающееся фундаментальной основы традиционной модели здоровья, в основе которой все-таки находились самопомощь и обиходные врачебательные знания [Темплинг, 2018]. Обращению к знахарю или врачу почти во всех случаях, кроме экстренных, предшествует период, когда человек пытался и пытается самостоятельно справиться с недугом. На этом этапе в действие идут привычные, хорошо известные лекарственные средства и приемы лечения, которые и составляют обиходные знания [Темплинг, 2017, с. 163–174]. Изменения происходили именно в этом сегменте: в состав, условно говоря, крестьянского медицинского обихода начинают включаться лекарства, изготовленные по правилам химической науки, промышленным способом, готовые лекарственные формы, приобретаемые в аптеках, которые пришли на смену «зеленым» рядам и москательным лавкам. В начале XX в. в обиходные медицинские практики сибиряков, например, в качестве дезинфицирующего средства вошла карболовая кислота. Крестьяне применяли ее самостоятельно, не прибегая к помощи и наставлениям врача. В 1909 г. крестьянин д. Размазиной Тюменского уезда М.Р. Легостаев, перед тем как отвезти на скотомогильник труп лошади, павшей от сибирской язвы, место гибели обработал «карболовкой». При этом он, очевидно, был не очень осторожен, заразился сам и скончался через несколько дней. Дезинфекцию в доме Легостаева проводил не медицинский специалист, а становой пристав [ГАТ, ф. 352, оп. 1, д. 1472, л. 2–3].

¹ Карточная система учета больных с фиксацией социального происхождения, места жительства, семейного положения и пр. вводилась в Тобольской губернии только с 1 января 1888 г. [Отчет Тобольской лечебницы... 1888, с. 4].

Стоит обратить внимание на факт преобладания ручных продаж именно в сельских аптеках и в городских аптеках аграрных районов с повышенной долей переселенцев. По данным губернских обзоров за 1897–1914 гг., устойчивое превышение ручных продаж над рецептурными отмечается в аптеках Ишима, Тары, Тюкалинска, сел Юдинского, Муромцевского, Омутинского и в аптеке на железнодорожной станции Калачинской. Если объем продаж по рецептам в этих аптеках с 1897 г. по 1914 г. вырос в 3,9 раза, то ручная продажа — в 5,7 раза. К сожалению, документы не позволяют дифференцировать покупателей, установить соотношение между переселенцами и старожилами. Вероятно, переселенцы, прибывавшие из центральных губерний страны и Прибалтики, из районов, развитых в медицинском отношении, являлись более активными клиентами, но нельзя не учитывать неизбежного их влияния на старожилов.

Изменение элементов повседневной жизни сельских жителей

В современном региональном исследовательском дискурсе широко представлены индивидуальные траектории превращения бывших крестьян в предпринимателей. На слуху фамилии Н.М. Чукмалдина, А.И. Текутьева, В.Л. Жернакова, семьи Колмаковых и др. Н. Чукмалдин оставил яркое описание не только своей жизни, но и изменений, наблюдаемых им в жизни родной деревни Кулаковой. На его глазах большое патриархальное сообщество (население по преимуществу старообрядческое — по воспоминаниям мемуариста, но не по официальным документам церковного учета), внимавшее своим наставникам, которых тщательно оберегало от властей, постепенно утрачивает интерес к самостоятельной рефлексии по духовным проблемам, предпочитает передать эту привилегию в руки официальной церкви, одновременно избавив себя от множества неудобств, связанных с принадлежностью к оппозиционной деноминации. Если в начале 1820-х гг. в сельском обществе д. Кулаковой Троицкой волости Тюменского уезда официально насчитывалось 336 семей, причисленных к различным старообрядческим направлениям, в том числе 86 к поморскому² [ГАТюмО, ф. И-10, оп. 1, д. 3814, л. 24 об.–38], то в начале XX в. общественность той же деревни бесплатно выделяет из общественного фонда землю для строительства официальной церкви, обязывается нести определенные повинности в обеспечении причта [ГАТюмО, ф. И-49, оп. 1, д. 1024, л. 3–7 об.]. Если в 1830–1840-е гг. учиться грамоте можно было только у старообрядцев-наставников, то в начале XX в. в селе была большая школа, в которой училось до 70 мальчиков и девочек, строилась новая церковь, а «старообрядчество, не подвергаясь прежнему строгому гонению, давно ослабло, и бывшие старообрядцы мало-помалу мирятся с церковью и становятся православными» [Чукмалдин, 1997, с. 24–25].

Близость к большому торговому тракту, связывавшему Сибирь с Ирбитом, с крупнейшим торговым событием года — Ирбитской ярмаркой, и к такому крупному торгово-промышленному центру, как Тюмень, сфокусировали внимание и заботы кулаковских жителей на иных, нежели только сельское хозяйство, заботах. Быстрорастущий город предлагал деревне новые источники доходов, иные способы препровождения свободного и праздничного времени, иные перспективы и стратегии жизни, новые ценности. И деревня дрогнула. Часть деревенских жителей перемещается в город. В конце 40-х гг. XIX в. в Тюмени постоянно находилось до 40 ревизских душ, приписанных к кулаковскому обществу [Там же, с. 33]. А вот что писал в своих воспоминаниях знаменитый земляк кулаковцев о деревне конца XIX в.: «...экономическое положение народа в деревне Кулаковой в то время было в хорошем, сравнительно, состоянии и стало падать лишь в следующие десятилетия, когда в деревне после откупов развернулся кабак со свободной продажей вина, и особенно когда там укрепились на значительное время целых три питейных заведения. Не стало у крестьян запасного хлеба, уменьшилось скотоводство, исчезли “холодовники”, самодельные холсты, сермяги и сукно. На плечах у всех стали появляться фабричные товары — ситцы, кумачи и шерстяные материи. Деревня стала значительно беднее прежнего, и если она теперь еще не так бедна, как некоторые села и деревни ее окружающие, то только благодаря ремеслам, которые при поднявшейся волне переселенческого движения в Сибирь давали много лет подряд хорошие заработки от продажи деревенских изделий» [Там же, 1997, с. 66]. Можно заметить, что автор, уже будучи купцом-миллионером, тем не менее оценивает экономическое благосостояние деревни с точки зрения исконно крестьянских представлений о достатке, который измерялся наличием в хозяйстве достаточных запасов хлеба, множества животных, повседневных вещей домашнего производства добротного качества. Его

² Однако, по воспоминаниям Н. Чукмалдина и утверждению его биографа П. Головачева, в Кулаково преобладали старообрядцы старопоморских согласий: федосеевцы и более радикальные филипповцы [Чукмалдин, 1997, с. 23, 342].

упадок Чукмалдин связывал с деятельностью питейных заведений. Однако причина явным образом находится в иной плоскости, о чем автор пишет между прочим. Косвенно в его тексте отобразились изменения в структурах занятости и потребления однодеревенцев, произошедшие во второй половине XIX в., которые стали возможны благодаря новым основаниям их экономической деятельности. Близость достаточно емкого городского рынка, обеспечивавшего стабильный сбыт ремесленных изделий (кулаковцы специализировались на производстве транспортных средств — телег и саней, деталей их декора, а также элементов комфорта — ковров), по словам мемуариста, давала хорошие доходы. И именно это позволило сельским жителям отказаться от производства избыточных объемов зерна, содержания лишнего скота, трудоемких процессов изготовления домотканых полотен и ориентироваться на товары фабричного производства. Не просто ориентироваться, но иметь достаточно денежных средств, чтобы приобретать «ситцы, кумачи и шерстяные материи». Денег было достаточно и для того, чтобы обеспечивать существование трех питейных заведений, чья деятельность также является свидетельством изменений в ценностных ориентациях сельчан. Это был явный отход от строгих старообрядческих установок на запрет употребления алкоголя не домашнего производства в селении, где еще в середине столетия не пили чай. Кабак стал одним из обязательных элементов в череде прощальных торжеств во время набора рекрут [Там же, 1997, с. 55], т.е., таким образом, одним их значимых элементов досугового пространства деревни.

Изменялись и отношения крестьян между собой. Личная выгода становилась одним из элементов повседневных отношений внутри крестьянского общества. На смену патриархальным связям и практикам приходили новые взгляды и приоритеты. Повествуя о кредите в деревенской жизни, подразумевающим взимание процентов (о них в деревне «никто и никогда даже не слышал», а достаточным обеспечением денег, отданных «взаимы», служила зарубка на бирке), мемуарист писал, что «начиная с пятидесятих годов эти порядки стали быстро изменяться; исчезли патриархальные приемы и отношения. Уже тогда нарастало поколение, в котором появились люди хотя еще и не взимавшие процентов, но уже выговаривавшие отдавать им на срок за $\frac{3}{4}$ цены ремесленные изделия или убирать хлеб с десятины вместо полного рубля за восемь гривен» [Там же, 1997, с. 66–67].

«Мать сыра-земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим телом прикрывает»

Устойчивое олицетворение земли в образе матери, отмечаемое в русском народном поэтическом творчестве, отражает ценность и значение земли для человека аграрной цивилизации. По народным поверьям, с которыми церковь и государство боролись несколько веков, погребение в земле «нечистых» покойников могло привести к засухе, неурожаю и голоду [Зеленин, 1995, с. 90–120]. В переходное к индустриальному состоянию время характер отношения к этой фундаментальной ценности начинает постепенно трансформироваться. Изменение подхода сельских жителей, особенно поселений, прилегающих к городу, к оценке земли, понимание ими предпочтений связи между землей, развитием города и транспортных коммуникаций иллюстрирует пример, относящийся к 1910-м гг. Событие касается желания известного тюменского предпринимателя А.И. Текутьева выкупить участки земли, которые он арендовал у крестьян д. Букиной Богандинской волости с 1884 г. Предпринимательская интуиция и деловая хватка городского головы — факт общеизвестный, а вот позиция крестьянского общества весьма показательна в свете изменяющихся условий жизни. В 1912 г. А. Текутьев обратился в Переселенческое управление с просьбой разрешить ему покупку земли в размере 7 дес. за 3000 руб., с чем букинское общество было вполне согласно. Однако заведующий Тюменско-Туринской поземельной партией, подходя к оценке земли с точки зрения стоимости городских земель в связи с перспективами развития города, усмотрел в этом предложении ущемление городских интересов. В частности, он писал о высокой ценности этих участков: «Эта часть гор. Тюмени, к которой прилегают арендуемые Текутьевым участки, как прежде, так и в настоящее время, по своему положению является более ценной. Город рос и растет, главным образом, в сторону расположения текутьевских участков. Вероятными причинами роста города именно в указанном направлении является: близость этой части города к пристани на реке Туре, близость к вокзалу, как Пермской, так и вновь выстроенной Тюмень-Омской железной дорогам, близость к “табору” — месту занятому постройками, в которых стоит ярмарка с 20 июня по 20 июля с ее оборотами в несколько миллионов рублей. В этой части города от вокзала к пристаням проходит железнодорожная ветка, постройка грузовых площадок на которой для надобности складов и заведений, наприим. г. Текутьева, дело только инициативы времени и небольших средств» [ГАТюМО,

ф. И-49, оп. 1, д. 124, л. 35 об.]. И предприниматель Текутьев прекрасно понимал перспективность этих участков, когда говорил о невозможности их использования для хлебопашества: «Миллионер Текутьев если занимается хлебопашеством, то разве только как дилетант, как человек, вышедший из рядовых крестьян. Арендные же участки, за которые Текутьев платит гроши, рентабельны своим исключительным положением, в отношении лучшей более заселяемой части города, рентабельны мельницей и прочими предприятиями Текутьева. Никакой урожай хлебов, как бы исключительно высок он не был, не даст той ренты, которая должна быть начислена с участков, арендуемых Текутьевым, и последний прав, указывая в прошении, что участки непригодны для хлебопашества, в том, конечно, смысле, что невыгодно высокодоходные по своему положению участки обращать под хлебопашество. <...> Положение участков смежно с городскими землями именно в этой части города делают их абсолютно ценными». Так, отчуждаемые под потребности Тюмень-Омской железной дороги земли городом оценивались в 4800 руб. за десятину, а арендные цены при сдаче земель под застройку (усадыбы) колебались между 240–480 руб. за десятину «в зависимости от положения земель как к центру города, так и центру промышленной жизни города» [Там же, л. 36 об.–37]. Соседство с городом, бурно развивавшимся во второй половине XIX — начале XX в., оказало определенное влияние на население прилегающих поселений. Букинские крестьяне были в курсе современных им рыночных тенденций, ориентировались в ценах на землю. И в данном случае для них ценность земли заключалась не в ее плодородности, не в перспективах высоких урожаев. Исходные позиции оценивания лежали уже в иной плоскости, не связанной с сельским хозяйством и традиционными для него приоритетами. «Изложенное выше,— пишет далее эксперт,— во всяком случае, свидетельствует, что сдаваемые в аренду Текутьеву участки исключительно ценны, как с точки зрения букинцев (выделено мной. — В. Т.), оценивших текутьевские участки по 428 р. 57 к. за десятину, тогда как в 10–15 верстах от Тюмени наличные продажные земли сделки заключаются по 28–40 рублей за десятину» [Там же, л. 37 об.–38]. Таким образом, букинцы прекрасно понимали разницу в цене земли и умели оценивать *вероятную* ее стоимость исходя из перспектив сельскохозяйственного использования, но из перспектив развития города, его инфраструктуры. На максимальную цену они не могли рассчитывать потому, что поземельное устройство букинского общества, неоднократно проводившееся, так ни разу и не было утверждено окончательно. В свете земельного переустройства, осуществлявшегося в рамках аграрных реформ начала XX в., все прежние межевания съездом крестьянских начальников признавались недействительными. Поэтому формально они не могли единолично распоряжаться землями, которыми владели на совместных с государством правах.

Заключение

Представленные примеры из жизни сельского населения Тобольской губернии рубежа XIX–XX вв. ярко свидетельствуют об изменениях в традиционной картине мира и образе жизни крестьян. Модернизационные тенденции, властно вторгавшиеся в привычный ход провинциального мироустройства сибиряков, через развитие транспортных коммуникаций, торговли, промышленного производства, урбанизации, предлагали селянам новые варианты жизнеобеспечения, новые жизненные стратегии, иные ценности, в основе которых лежали элементы индивидуализма, осознание значимости индивидуального здоровья, понимание необходимости заботы о нем, предпочтений от занятий, не связанных с работой на земле. Кардинально меняется отношение местного населения к официальной медицине. Ошибочно было бы считать, что исключительно из-за угрозы эпидемий крестьяне изменили свое отношение к официальной медицине и взгляды на болезни, как может показаться на первый взгляд. Эпидемии, в том числе холерные, в XIX в. не были редкостью для Сибири, но только в 1890-х гг. их последствия оказались столь значимыми в социальном аспекте. В основе этого стечение целого ряда обстоятельств, сочетание которых сделало возможным такие изменения. Прежде всего, врачи получили в свое распоряжение множество новых и, что важно отметить, эффективных лечебных средств и инструментов. Практицизм крестьянского сознания не мог не оценить видимый положительный эффект медицинской помощи, который особенно ярко проявился в период эпидемии. Изменения пока еще не носили всеохватывающего характера. В селениях, удаленных от городских центров, железных дорог и других важных транспортных коммуникаций, жизнь менялась медленнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАТ. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1472.
ГАТюмО. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 124. Дело о поземельном устройстве селений Богандинской волости Тюменского уезда. 1910-1915. 76 л.
ГАТюмО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 3814. Л. 24 об.–38.
Обзор Тобольской губернии за 1880 г. Тобольск, 1881.
Обзор Тобольской губернии за 1892 г. Тобольск, 1893.
Обзор Тобольской губернии за 1893 г. Тобольск, 1894.
Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск, 1911.
Отчет Тобольской лечебницы для приходящих больных за первое двадцатипятилетие. Тобольск, 1888.
Свод заключений второго губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии. Тобольск, 1913. 28 с.
Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии. Тобольск, 1913. 80+86+120 с.
Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень, 1997. 368 с.

Литература

- Бредли Д.* Общественные организации в царской России: Наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
Гриценко Н.В. Благотворительные заведения Тобольского приказа общественного призрения // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 204–227.
Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): Бийск: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2002. 288 с.
Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сборник материалов конф. Новосибирск, 2003. [Электрон. ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.
Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комзорт М.В. Западно-сибирский нефтегазовый проект: От замысла к реализации / Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.
Кузнецов В.Н. Периодизация и особенности модернизации Северо-Западного района России в XIX веке // Научное мнение. 2012. № 8. С. 39–50.
Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX — начала XX в. в жанре patchword. Тюмень: Мандр и К^а, 2013. 300 с.
Нечаева Л.В. Развитие медицинской службы в Сибири в XVIII столетии // Тобольск научный — 2012. Тобольск, 2012. С. 360–363.
Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX — начала XX века // Вестник Перм. ун-та. 2013. Вып. 2 (23). С. 44–52.
Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: региональные кейсы // Акторы российской имперской модернизации: Люди и структуры империи. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 25–33.
Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в.: Социокультурный аспект. Тюмень: Мандр и К^а, 2017. 224 с.
Темплинг В.Я. Модели здоровья сибирского населения в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. науч. конф. Тюмень, 2018. С. 425–428.
Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 г.: Кн. II: Памятники тюменской деловой письменности: Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 838 с.

V.Ia. Templing

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: tmpl@mail.ru

TRADITIONAL VALUES OF SIBERIAN PEASANTS WITHIN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN MODERNISATION IN THE 19th — EARLY 20th CENTURY

A number of indicators of changing values of rural populations during the transition from a traditional society to an industrial one are examined through the lens of modernisation theory. These indicators include the development of social health care initiatives of rural communities in Tobolsk Governorate in the late 19th — early

20th century, other new elements in everyday life of the peasants and the new methods of land evaluation they applied. Relying on archival and published sources, we reveal the participation of rural communities in the creation and funding of rural hospitals and feldsher's clinics. The significant growth in the number of registered patients and the increase in the sale of non-prescription drugs in the villages show that the trust of the people in official health care provision was growing. Giving a suburban village as an example, we demonstrate the changes in the peasants' everyday life, such as new occupations, changing patterns of consumption, new leisure activities and a shift in faith from Old Belief to the official church. We also describe new approaches to land evaluation used by the rural population. Thus, when selling land, the members of the peasant communities in the suburban settlements were evaluating it not according to the quality of the land, its fertility and the prospect of large crops, but according to a market price dictated by the development of transport systems, industry, trade and the city growth.

Key words: traditional worldview, social initiative, health care, feldsher's station, sale of non-prescription drugs, daily life, Tobolsk Governorate, rural community.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-120-128

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

- Bradley J. (2012). *Voluntary Associations in tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society*, Moscow: Novyi khronograf.
- Degal'tseva E.A. (2002). *Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)*, Biisk: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Gritsenko N.V. (2004). Charitable institutions of Tobolsk regiment of public assistance. *Tobol'skii khronograf*, (4), Ekaterinburg, 204–227.
- Karpov V.P., G.Iu. Koleva, N.Iu. Gavrilova, M.V. Komgort. (2011). *West Siberian oil and gas project: From the idea to implementation*, Tyumen: TiumGNGU.
- Kuznetsov V.N. (2012). Periodization and special features of modernization in Northwestern region of Russia in XIX century. *Nauchnoe mnenie*, (8), 39–50.
- Mandrika Iu. L. (2013). *Censorship of poetics and poetics of censorship: Patchword collection of the data about private press in the late 19th — early 20th centuries*, Tyumen': Mandr i K^a.
- Nechaeva L.V. (2012). Development of medical service in Siberia in 18th century. *Tobolsk nauchnyi — 2012*, Tobol'sk, 360–363.
- Poberezhnikov I.V. (2013). The North of West Siberia in the context of Russian modernization in the 19th — beginning of the 20th century. *Vestnik Permskogo universiteta*, (2), 44–52.
- Poberezhnikov I.V. (2016). Actors Russian imperial modernization: Regional case studies. *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii: Liudi i struktury imperii*, Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN, 25–33.
- Povod N.A. (2006). *Komi of the Northern Trans-Urals (19th — the first quarter of 20th century)*, Novosibirsk: Nauka.
- Templing V.Ia. (2017). *Folk medicine of the Russian population of Western Siberia XIX century: (Socio-cultural aspect)*, Tyumen': Mandr i K^a.
- Templing V.Ia. (2018). Modern health models of the Siberian population. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Tyumen', 425–428.
- Trofimova O.V. (2002). *Tyumen business literature. 1762–1796. Book II: Monuments of Tyumen business literature: From the collections of the State archive of Tyumen region*, Tyumen': Izdatel'vo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zelenin D.K. (1995). *Selectas. Essays on Russian mythology. People who had unnatural death and mermaids*, Moscow: Indrik.
- Zinov'ev V. P. (2003). Special features of transition of Siberia from agricultural to industrial society. *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii. XVIII–XX vv.: Sbornik materialov konferentsii*, Novosibirsk: RITs NGU. Retrieved from <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.